

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

На Дону советская власть была установлена в начале 1920 года. Станица Гундоровская, на месте которой возник город Донецк Ростовской области по административно-территориальному делению, прошедшему в тот период, оказалась в составе Украинской Советской Социалистической Республики. Станицу причислили к Луганскому уезду Донецкой губернии Украины. Именно из этих административных центров поступали первые указания по укреплению советской власти, а она была построена на принципах интернационализма и национальностей не признавала. О каком таком бывшем военно-служивом сословии донского казачества можно было говорить? Вот и молчали все. Или почти все. Хутора и станицы жили ожиданиями изменений, но их всё не было. Какой в то время была жизнь местного казачества рассказывается в произведениях нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

1921 год. Жизнь пошла по новой колее

У Свято-Серафимовской церкви хутора Швечикова станицы Гундоровской за две недели до Пасхи, как бы невзначай, собрались старухи. Стали сетовать на то, что не удастся отметить по настоящему, по устоявшимся в веках канонам, великий праздник. Отец Евлампий в каких-то далеких краях. Не то, говорят, в Турции, не то в Греции.

Епархия из Новочеркаска так никого и не прислала. Да и опять же, как она работает эта Епархия, кому и какие она распоряжения даёт? Кто их выполняет? Да и разве она сейчас власть? Церковь, говорят, отделили от государства, а школу от церкви. Была школа хуторская церковно-приходская, однако приход остался, а школа уже год толком не работает. Уездный исполком установил такой скудный паёк для работников народного образования, что никакой учитель в такую глухомань не ехал. Казачата росли неграмотными.

Не школьного же сторожа деда Рядка к учительству приставлять? Его можно было всем хутором благодарить за то, что он сохранял саму школу, не давал развалиться зданию и не позволял на топку перевести ограду.

В аккурат перед Вербным воскресеньем, к великой радости богомольных старух, в Свято-Серафимовской церкви появился новый священник. Моложавый на вид, с черной, а не с сильно поседевшей, как у отца Евлампия, бородой. Его сопровождала сидевшая на краю нанятой подводки попадьё, женщина лет тридцати или чуть больше. Исхудавшая, в теплом, не по погоде пуховом платке и в лаковых, растрескавшихся ботинках.

- Вы из Епархии? - обратилась к священнику помощница церковного старосты Ганна Ковыльченкова.

- Из Епархии, из Епархии, - и священник степенно показал ей свидетельство с витиеватой росписью.

Полуграмотная Ганна читала долго, и даже не столько читала, сколько с недоверием оглядывала вновь прибывших. Прошедшие годы научили её подозрительности.

- А жить где будете?

- Мне сказали, что при церкви есть жильё. В нём жил прежний священник,

Плакат красных войск. 1921 год.

если не ошибаюсь, отец Евлампий.

- Правильно вам сказали. А мы вас будем величать отец Александр. Пойду сейчас по хутору, соберу в помощь прихожан, поможем вам устроиться.

Обрадованные старухи сбежались быстро и стали помогать попадьё, как они узнали, тоже Александре, убраться в стоявшем долго без хозяев доме, протопить его после зимы и вымыть запылившиеся окна.

Сложенный из дикого камня поповский дом за зиму выстыл напрочь и не быстро вбирал в себя тепло. Зато к вечеру, когда было изведено на первую протопку чуть ли не полвоза дров, в комнатах воцарился домашний уют. На стенах в горнице остались висеть фотографии отца Евлампия и матушки Ольги. Из прошлой мирной жизни, словно не в объектив, а в самую душу смотрели застывшими взглядами обитатели предвоенного казачьего хутора Швечикова. Вот они с отцом Евлампием на майском празднике с букетами первых весенних цветов. Вот рядом с настоятелем Свято-Серафимовской церкви, на её ступеньках, хуторской атаман старший урядник Тимофей Богучарсков и полукругом правление вместе с почётными стариками. Почти

у каждого на груди награды и как неизменная принадлежность, помогающая при ходьбе, приставленные к ногам байдики. Кому трость, а кому и такая, совсем не элегантная, но нужная палочка! На другой большой фотографии день проводов молодых швечиковцев на действительную службу. Интересно было бы узнать, сколько из тех казаков, переписи 1894 года, осталось в живых после двух войн? Всем им уже под тридцать и воюют уцелевшие, кто на белой, а кто и на красной стороне. Конечно, в тот далёкий запечатлённый момент осеннего дня 1913 года никто из них о такой судьбе знать не мог.

Отец Александр внимательно рассмотрел фотографии в аккуратных рамках и поблагодарил всех собравшихся за помощь, а потом, благословив постную трапезу, присел вместе с прихожанами за стол и стал слушать рассказы собравшихся о жизни на хуторе за последние полтора года после ухода с Северского Донца белоказачьих дивизий.

Оказалось, что чуть ли не половина проживавших в хуторе казаков были эвакуированы из страны и находились в лагерях, кто в Турции, кто в Греции, а кто-то, судя по письмам, даже за океан в Бразилию подался. Весточки от тех, кто уехал за моря, приходили, но редко. По ним стало ясно одно: многие, а вернее, почти все из казаков, и особенно те, кто участвовал в восстании в станице в апреле 1918-го, в Россию возвращаться боялись. Страшили их распоряжения советской власти. Хотя уже принародно о расстрелах не объявляли, а просто забирали в Луганск, где действовало уездное ЧК. В то время не было ничего страшнее, чем эти короткие буквы. Было ещё одно запоминающееся сокращение - ЧОН, части особого назначения. Они квартировали в станице и по хуторам, дожидаясь сигналов о появления в округе банд. В конце зимы по Донцу пронеслись даже остатки махновского воинства. Они налетали на тачанках, молниеносно чинили расправу над сельсоветчиками и комбедовцами, а также попавшими под руку бойцами продовольственно-реквизиционных отрядов и исчезали в

придонецких лесах.

Да и местные бандиты под предводительством есаула Ковалёва тоже изрядно беспокоили. В самой станице они убили трёх комсомольских активистов. За Донцом расстреляли двух коммунистов, которые возвращались с районной партийной конференции. Не было спокойно и в хуторах рядом с Провальским лесом, хоть и прочесывали его уже не один раз. Спрятав оружие в тайниках, лихие люди рассыпались по хуторам и ни за что нельзя было узнать в мирном труженике бандита, который совсем недавно, за два-три дня до этого наводил ужас на всю округу.

В одном из хуторских куреней собралось несколько казачек, прослышавших что привезли из Новочеркаска письма от ушедших в отступ казаков. Доставили эти весточки те казаки, которые одними из первых всё-таки решили вернуться в Россию и прибыли в Новороссийск на пароходе «Решид-Паша».

Пожилой казак Кузьма Цыкунов достал потёртое на углах, вчетверо сложенное письмо и, нацепив очки только с одной линзой, прищурившись, стал медленно читать послание от своего сына Агафона Цыкунова:

«Привезли нас на остров, который мы на свой манер прозвали Ломоносом. Представь, батя, если б у нас вся земля в станице была б гольным камнем, как по буграм на правом берегу Донца и сверху песком присыпанная, таким, как на левом берегу, что в сторону Митякинской станицы. Такой он по виду этот остров Ломонос. Здесь нам никаких паев не дожидаться. Местному люду самим земли хорошей не хватает. Живут греки хозяйствами. Нельзя сказать, чтоб уж очень хорошо живут, но нас всё равно завидки берут. Нас же благодетели-французы, если куда и зовут, так это в Бразилию, но я туда не поеду. Буду крутиться поблизи от России. Радуюсь сейчас, что не женился тогда, в девятнадцатом. Сейчас как погляжу, как здесь семейные маются!.. И те, что семьи сюда вывезли, и те, что их в Крыму оставили, и мне становится за себя спокойней, что хоть этим себе душу не рву. Целую всю родню. И передавайте поклон Алёне. Даст Бог, ещё свидимся. Ваш сын Агафон Цыкунов».

Казачки перешёптывались:

- Алёнка, ты погляди, в памяти у Афоньки. И она вроде его помнит, всем сватам пока отворот даёт. Надолго ли только?

Отец Александр, ложась в холодную, так и не **нагретую** постель, перебирая в памяти весь вечерний разговор, вспоминал, не сказал ли он чего лишнего. Если б знали швечиковцы, что напрасно они пересказывали своему новому священнику известия, полученные из турецких и греческих лагерей. Он ту жизнь знал гораздо лучше, поскольку совсем недавно сам был там. А потом вместе со своей женой Александрой, по заданию казачьего командования, детали которого знало всего лишь несколько человек, отправился в станицу Гундоровскую.

Он взял документы умершего в лагере Силлилие полкового священника отца Александра, по фамилии Кондрашов.

По возрасту умерший был намного старше, но, как говорится, грамотно отпущенная борода состарит, а то, что молодая жена, так и священники не прочь обратить свой взгляд на молодое и свежее.

В Новочеркасске он прибыл в Епархию, передал все приветы и пожелания, и с помощью секретаря Епархии выправил себе уже более правдоподобные документы. С ними и явился в хутор. Перед германской войной Александр учился в Московской консерватории на регентском отделении и хорошо знал и порядок ведения богослужения, и священное писание. Жил он в Москве в Богородском, рядом с храмом Спаса-Преображения Господня и не пропускал ни одной службы. Теперь это ему сильно пригодилось.

Новые власти в станице Гундоровской поначалу гонения на церковь не устраивали. Видно, боялись повторения событий весны 1918 года. Снисходительно смотрели на то, что была восстановлена звонница, снесенная снарядами в апреле 1918-го. Не было, как в других станицах и поджогов хуторских церквей. Однако, приказом уездного начальства был **запрещен** колокольный звон и даже языки с колоколов посрезали, сложив их в кладовках в местных советах. Непривычно было видеть как верующие собирались в безмолвную церковь и оскорблённые таким отношением к вере, сетовали, что чего доброго и свечи могут запретить, и иконы снимать в куренях и в храмах и что тогда останется? Но вслух эту тему не обсуждали, хотя первым делом отцу Александру на отсутствие колокольного звона и пожаловались.

Тот помолчал и задумчиво изрёк:

Главное, чтобы вера в душах осталась. А с колоколами может и одумается новая власть. Не одумалась. Колокола продолжали безмолвствовать.

В Вербное воскресенье отец Александр провел службу. Глядя на прихожан с полураспустившимися веточками вербы в руках, и зная, как тоскуют о родных и близких все хуторяне, провозгласил пожелание о даровании Господом Богом великого счастья воссоединения семей, но, разумеется, не сказал, на какие пути этого воссоединения он больше всего надеется.

Несмотря на праздник в бывшем хуторском правлении затеяли совещание. Пришло указание из Луганска. Потребовали новые начальники, чтобы не было допущено в казачьих станицах и хуторах никаких волнений и возмущений. Председатель

станичного совета Михай Дуванов грозно окликнул бездельничающего писаря:

- Составь-ка список по литере «В».

Так промеж собой они называли списки тех семейств, в которых были казаки, принимавшие участие в восстании.

- А Краснянских писать?

- А то, как же, - подтвердил вместо председателя совета бывший работник у местных богачей Карапышей, пришлый хохол Серафим Скибенко.

- Так воны кажут, в Африку уехали со своим кадетским корпусом, с обезьянами там братаются. Да и малолетки они, одному вроде шестнадцать, а другому двенадцать.

- То как поглядеть! Сейчас они ценки, а через пару-тройку лет ценными

треволюционные разговоры, а то не в другой курень пойдешь, а в холодную в хуторском правлении, - оборвал её Серафим Скибенко.

Глубокой, тихой ночью на второй день после пролетарского праздника 1-е мая, и совпавшего с ним другого праздника, Пасхи, казаки, посланные есаулом Ковалёвым, на кайках переправились через Донец. Поднялись по скользковатому бережку, и пошли к карапышевскому флигелю, где ночевали окружные представители.

Впереди сноровисто ковыляла бабка Карапышиха. Привыкшие к ней сызмальства свирепые кобели кинулись ластиться.

- Тише, родненькие, раньше времени всех побудите.

Кобели разом послушно замолкли.

- Вот это кабан попался! Где его такого откармливали?

На разбирательство гибели командированных коммунистов приехали чекисты в чёрных хромовых куртках. Такого же цвета ленты обвивали два алых флага на хуторском правлении.

Бабка Карапышиха, молясь за взятый на душу на старости лет грех, стояла на коленях перед святым углом в чужом для неё курене Деревянкиных и, распластывая свое худенькое старушечье тельце, отбивала глубокие поклоны. Чекисты, зашедшие в старый, о двух оконцах курень повитухи Агафьи, увидели Карапышиху и, словно не замечая, что она молится, набросились на **нее**:

- Вставай, контра старая!

Карапышиха, не поднимаясь, с достоинством ответила им:

- Грех великий молитве Божьей мешать!

- Мы этих поповских штучек не признаем. За упокой душ убиенных в вашем хуторе, небось, молишься?

- За них Господь Бог молитвы не примет, - гордо ответила старуха.

А чекист, замахнувшись на нее:

- Это ты сгубила цвет революционного балтийского флота? Ты бандитов в дом впустила?

Бабка продолжала мелко креститься и шептать молитвы:

- Ты не отрещивайся, не отрещивайся! Всё равно вызнаем и всех найдем. А тебя, старая, и искать не надо. Собирайся, отправим тебя в Луганск.

На небольшом пароходике, идущем вверх по течению Северского Донца, бабку Карапышиху посадили на корме. Конвоиру строго объяснили, что он охраняет самую большую злодейку, и что с ней и на мгновение нельзя спускать глаз.

Когда пароходик, заворачивая полукругом, уже подходил к речной пристани у станицы Луганской, Карапышиха, пользуясь тем, что конвоир отвлекся, сделала три шажка к борту и, неожиданно ловко, головой вниз ушла в воду.

- Уто-о-пла! - истошно голося, заметался по палубе насмерть перепуганный конвоир. Прибежал старший конвойной команды, разорался на красноармейца.

Тот, словно в оправдание, стал наугад стрелять в мутно-серую после недавнего половодья, воду. Пароходик резко застопорил ход, и его стало относить по течению вниз. Беспорядочная беготня вдоль бортов и стрельба прекратились. Старший дал команду:

- Выгружай остальных. И так держались. А за бабку по акту отчитаемся. Под винт, наверняка, попала. Примкнуть штыки, дистанция пять шагов! На берег по одному выводите!

Сергей Сполох,

член Союза писателей России
Примечание: все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

Колокола на звоннице Храма.

Река Северский Донец весной.

кобелями станут. И бабку их Краснянскую пиши.

Посоветовавшись между собой, решили выселить всех из неосторевшей части усадьбы Карапышей.

- Там и выселять особо некого, всего две старухи остались, Карапышиха, да Краснянская.

- Вот этих злодеек как раз и надо отселить. Дом бабки повитухи Агафьи Деревянкиной пустой стоит, пусть туда и переходят.

Бабка Карапышиха ходила по своему, когда-то богатому подворью. Попросила взять щепок на разжожку. Не дали.

- Есть кому всё высобирать. Иди с Богом, раз дали, где жить.

- Я то с Богом пойду, а вы с чем в душе останетесь?

- Та-а-а-к! Ну-ка, прекратить кон-

Широким турецким кинжалом, с давних времен хранившимся под камышовой крышей сарая, тем самым, которым кололи карапышевских кабанов, был поддет кованый крючок и казаки бесшумно вошли в горницу, где спали изрядно выпившие по случаю встречи боевых друзей окружные представители.

Кинжал пошёл в дело первым, но без шума всё же не обошлось. Забравшийся на печь подхорунжий Иван Саблин попал ногой на припечек и свалил стоящую на нём горку глиняной посуды. Проснувшийся матрос Павел Кандыба потянулся было к маузеру, висевшему в деревянной кобуре у изголовья, но двое казаков уже повисли на его руках.

Саблин, изрезав острым кинжалом и свои руки, всё-таки добил матроса.

